

ОЖИВШЕ ПРЕДАНИЯ

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

СУДЬБА КНЯГИНИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
Марины Мовшиной

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Судьба княгини / Александр Прозоров. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с. — (Ожившие предания. Романы
А. Прозорова).

ISBN 978-5-04-101615-9

Великий князь Руси Василий Дмитриевич, чувствуя приближение кончины, обращается к брату Юрию Звенигородскому с просьбой стать следующим правителем, дабы защитить державу. Ведь сын Василия рожден от литовской княжны Софьи, которая так и осталась для всех чужеземкой. Более того, окружена темными слухами о колдовстве. А потому ее придется изгнать. Однако Василий и представить не может, что Софья давно изменяет ему с князем звенигородским. А брату его предстоит сделать выбор, от которого зависит судьба всего государства...

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-101615-9

© Прозоров А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

3 сентября 1424 года

*Рязанское княжество, Одоевский уезд,
жнивье перед деревней Грибово*

Осенний день выдался просто на загляденье. Ясный, солнечный — но вместе с тем ветреный и прохладный. В такую погоду самое милое дело — надеть поверх исподней и полотняной рубах толстый, в два пальца, а потому очень теплый стеганый или войлочный поддоспешник, шерстяную тафью на макушку, да заправить подбитые мехом штаны в сапоги из толстой кожи. Сверху пуд железа али два — это уж кому как больше нравится. На голову, поверх шапочки, насадить островерхий шлем.

Летом в таком снаряжении даже просто на месте сидеть — и то мука. Упаришься так, что уже и сам смерти желать начнешь. Зимой же — холодно, да броня индевет и кожу обжигает. Приходится плащи и шубы набрасывать — но тяжелы они, утомляют и движения сковывают. Да и не греется железо-то от меха. Все равно «кусается».

То ли дело нежная прохладная осень! Не жарко, не тяжело, никаких дождей и туманов, пропитывающих одежду противной холодной влагой; ветерок поддувает, освежает тело и уносит запахи. Самая лучшая погода для хорошей драки!

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Московская дружина перетапывалась поперек недавно скошенного длинного поля, одним краем упираясь в редкий сосновый бор, а другим — в узкий ручеек, сразу за которым начинался густой, влажный и непролазный осинник.

Хотя — какая там московская? Из шестнадцати сотен воинов восемь — галичская дружина, пять — суздальская и три — боровская. Великий князь Московский, узнав про ордынский набег, объявил сбор ополчения на Берегу¹, возле Коломны — но главные силы еще не собрались, и потому в «московской рати» на сегодня не имелось ни единого московского боярина. Однако первый русский воевода не стал дожидаться головного полка — помчался вперед с теми полутора тысячами воинов, каковые подошли самыми первыми. И — догнал!

Татары растянулись на удалении всего в сотню саженьей. Числом примерно втрое больше — но почти без брони, в шапках вместо шлемов, на низких степных лошадках и с легкими пиками вместо тяжелых рогатин.

Обычно степняки не вступают в сражения. Ведь они ходят в чужие земли грабить, а не умирать. Однако на сей раз воевода Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, подловил их на возвращении в Дикое поле — с огромным обозом награбленного за месяц барахла, что заволокло всю дорогу за спинами легконогой конницы. Не могли же ордынцы бросить все добро, добытое с таким трудом, и просто разбежаться, возвращаясь в родные кочевья редкими перелесками и узкими тропками! И потому сейчас разбойники хмуро стояли от соснового бора до осинника и разглядывали кованую рать, загородившую им путь к свободе.

---

¹ Берег — северный берег Оки, на котором на протяжении многих веков русское ополчение встречало татарские набеги. Эта постоянная порубежная служба так и называлась: Берег, служба на Берегу.

— Почему они не стреляют, папа? — разорвал тяжелую тишину звонкий мальчишеский голос, заставив бояр резко перевести дух и зашевелиться.

— Кто это был? — привстав на стременах, закрутил головой одетый в золоченые доспехи воевода.

— Прости, Юрий Дмитриевич! — отозвался крупный боярин в панцирной кольчуге со вплетенными в нее воронеными дисками размером с ладонь. — Сие сын мой сын, Василий. Новик он, первый раз в походе. Юн еще, знаю. Но уж очень просился! Истинный воин растет.

Небольшая свита воеводы, плотно стоявшая в нескольких шагах перед рядами дружины, немного расступилась, позволяя всаднику из задних рядов проехать вперед.

Поравнявшись с воеводой, ратник приложил руку к груди, чуть поклонился:

— Хорошего дня тебе, Юрий Дмитриевич! Мое имя Василий, я емь сын князя Ярослава Боровского, внук князя Владимира Храброго¹!

Панцирная кольчуга, щит капелькой, рогатина с широким наконечником, островерхая ерихонка с посеребренной улыбающейся маской от шлема до подбородка. В полном боевом облачении новика было не отличить от всех прочих воинов, опытных и не очень. Своим сложением мальчик, несмотря на юность, мало уступал большинству бояр, а отсутствие бороды не было столь уж ясным признаком молодости, ибо многие воины оные ровняли и стригли — и потому из-под защитных масок на грудь они не выпадали.

— Сколько тебе лет, юный витязь? — поинтересовался воевода.

---

¹ Владимир Андреевич, представитель «царственной» династии, внук знаменитого Ивана Калиты, получивший в народе прозвища Донской и Храбрый. Донской — за свою определяющую роль в Куликовской битве, а Храбрый — за поведение во всех прочих походах «по совокупности».

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

— Уже тринадцать, княже! — Новик отвернул личину в сторону, открывая совсем детское веселое лицо с узким подбородком, острым носом и глубокими синими глазами.

— Не рановато в сечу-то? — склонил голову набок звенигородский князь.

— Я внук Владимира Храброго! — звенящим голосом выкрикнул княжич. — Я должен стать великим воеводой! Я учусь сражаться!

— Похвальное желание, — кивнул воевода. — В твоих жилах течет гордая кровь, ты станешь достойным витязем.

— Благодарю, княже! — Новик снова спрятал лицо под железную маску.

— Что до луков, княжич, — перевел взгляд на врага Юрий Дмитриевич, — то татары уже месяц разбойничают. Вестимо, боевые припасы у них давно кончились. Нечем им стрелять, колчаны пустые.

— А мы почему не стреляем?

— Ждем удачного момента. — Воевода отвел руку назад и потрогал лежащий на крупе коня, обшитый бархатом саадак¹.

— Когда он наступит?

— Ты задаешь слишком много вопросов, сынок, — вмешался князь Ярослав Боровский. — Не мешай воеводе!

— Коли не спрашивать, княже, ничему не научишься, — укорил его Юрий Дмитриевич и обратился к новику: — Нам надобно, Василий Ярославович, чтобы татары на нас напали. Иначе Большим нарядом не воспользоваться. А они, видишь, квелые стоят. Надо бы расшевелить... — И воевода повернулся к боровскому князю: — Сможешь, Ярослав Владимирович?

---

¹ Саадак — комплект из лука и колчана со стрелами в закрытой коробке. Часто в комплект входили сулицы — метательные копья.

— Дозволь мне, княже, дозвожь мне! — встрепенулся новик. — Дозволь, я наши сотни на ордынцев поведу!

— Ну нет, Вася! — решительно отрезал князь Боровский. — Ты сюда учиться просился, а не в самую свалку влезать! Вот при воеводе и оставайся! Учись! Юрий Дмитриевич, сделай милость, присмотри за ребенком!

— Отец! — возмущенно выкрикнул мальчишка.

— Жди здесь, Василий, и слушайся князя Звенигородского! Тихоня, Басарга, Вторуша, берегите сына, остальные за мной! — Ярослав Владимирович повернул коня, поскакал к своим сотням.

Его небольшая свита разделилась. Трое богато снаряженных холопов в чешуйчатых куяках, издалека похожих на рыбу чешую, поскакали за хозяином, другие трое остались с княжичем.

Вскоре правый край русского войска дрогнул, медленно двинулся вперед. Бояре на ходу цепляли рогатины петлями к седлу, сдвигали вперед колчаны, вынимали луки. Намерения их оказались столь ясны, что разбойничья армия, еще до первых стрел, зазвучала залихватским пересвистом и ринулась навстречу, с громким гиканьем разгоня скакунов и опуская пики.

Боровские воины, уже успевшие поменять ударное оружие на стрелковое, к сшибке оказались не готовы и стали спешно разворачиваться, уходя от удара и в полуобороте пуская стрелы себе за спину.

— Лу-уки!!! — громко закричал Юрий Дмитриевич, благо вся его рать находилась совсем рядом, и сам первым, перевернув рогатину и вонзив острием в землю, схватился за саадак.

Атака правого края на глазах превращалась в паническое бегство — уходя от удара, боровские дружинники, не переставая осыпать врага стрелами, миновали свое старое место в строю и понеслись дальше. Татары, те-

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

ря товарищей, с посвистом и гиканьем их преследовали, стремительно сокращая расстояние.

— Лу-уки!!! — Звенигородский князь стал быстро опустошать колчан, выпуская стрелы высоко вверх. Прицелиться так в кого-то из врагов было невозможно. Но промахнуться по плотной многотысячной рати — еще труднее. Больше тысячи луков, по пятьдесят стрел в колчане — и от стремительной оперенной смерти, разом взметнувшейся в воздух, на какой-то миг наступили сумерки... А потом вся эта отточенная сталь дождем просыпалась на мчащихся через поле степняков.

Почти половина наконечников из этого густого ливня нашла себе цель, вонзаясь в тела лошадей, в ноги, в руки сидящих на них всадников, острые жала пробивали меховые шапки и стеганные халаты, впиваясь в плечи, рассекая ткань на спине и груди. И пусть только одна стрела из тысячи приносила смерть — раненые лошади спотыкались, а иногда и падали, получивший стрелу в руку разбойник терял копьё и уже не мог схватиться за саблю, из посеченных ног текла кровь, и торчащая из бедра стрела бодрости воину тоже не добавляла.

Несущиеся во весь опор татары кувыркались вместе с лошадьми, выпадали из седел, спотыкались о своих товарищей, перепрыгивали через них, а где-то — и затапывали, проносясь прямо по телам неудачно упавших земляков. Но — не останавливались. Многосотенная лава стремительно втягивалась в прорыв на правом краю, обходя русские полки и устремляясь дальше, к обозу, к главной, самой желанной цели любого сражения.

Ведь армии не передвигаются без припасов, и каждый обоз — это очень богатая, обильная добыча.

Большинство степняков ушло в атаку по самому легкому пути — справа. Но не меньше трети поскакали пря-

мо на главные силы, словно и вправду надеялись опрокинуть легкими пиками тяжелую кованую рать.

— Ну что, новик, повеселимся? — выдернул из земли рогатину Юрий Дмитриевич и удобнее перехватил в руке. До врага оставалось всего с десяток шагов, разгоняться навстречу не было ни места, ни времени. Только твердо встретить удар.

— Я пе-е-ервы-ый!!! — Мальчишка неожиданно для всех, даже для собственных своих холопов, дал шпоры коню и ринулся вперед.

В него, бедолагу, и пришелся самый первый жестокий напор: сразу три копыя ударили в щит, еще одно в бок, да еще в грудь...

Правда, своей рогатиной новик все-таки успел попасть в шею ближнего татарского скакуна — после чего буквально вылетел из седла и кувыркнулся назад через круп коня, высоко вскинув в воздух короткие красные сапоги. Следом летевшие по весь опор татары опрокинули и скакуна юного храбреца — врезавшись в него грудью сразу нескольких коней.

Холопы с отчаянным криком кинулись спасать своего господина — поймали на копыя одного степняка, другого, сбили третьего...

Но куда там отчаянной отваге трех воинов супротив тяжелой многосотенной лавы!

В следующий миг звенигородскому князю стало уже не до новика. Его золоченая броня привлекла внимание многих врагов, на воеводу нацелились сразу пятеро разбойников — больше мешая друг другу, нежели помогая. Юрий Дмитриевич поспешно опустил щит, прикрывая живот сразу от двух наконечников, рванул его в сторону с полуоборотом влево, свою рогатину просто приподнял, позволяя круглолицему татарину с торчащими из плеча и головы стрелами напороться на нее грудью, и тут

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

же наклонился, пропуская еще одну пику над спиной. Степняков справа и слева приняли на копья галичский сотник Олай из Басмановки и его товарищи. Увлечшись попытками убить князя, разбойники совсем забыли, что у воеводы есть охрана, причем очень умелая.

Однако татарская лава, даже лишившись передовых воинов, продолжала скакать, по инерции напирая на русскую дружину, и остановить тяжелую массу не могли никакие копейные уколы и взмахи сабель. На могучего чалого туркестанца звенигородского князя навалились сразу три низкие степные лошадки, на которых тоже давили задние скакуны, — и чалый начал заваливаться назад и набок.

«Надо было вставать позади!» — запоздало посетовал воевода, падая вместе с конем, но изменить что-либо уже не мог.

Не особо испугавшись, бывалый воин в первую очередь высвободил ноги из стремян, поджал, торопливо закрыл щитом голову и плечи. И уже через миг по щиту застучали копыта, с силой вбивая его в тело.

Успешно смяв два ряда боярской конницы, татары потеряли почти всех передних воинов, и схватка затихла — между русскими и степняками оказались зажаты десятки лошадей с уже мертвыми всадниками либо с пустыми седлами. Живые враги друг до друга просто не доставали.

И в этот миг над полем прокатился протяжный оглушительный гром, от которого у людей заложило уши, а многие лошади встали на дыбы.

Поле за спинами русских воинов, между московской дружиной и ее обозом, заволокло дымом. Это вкопанные между соснами три десятка пушек Большого наряда с расстояния всего в три десятка шагов ударили единым залпом по увлеченным погоней татарским сотням, оказавшимся в одиночестве на открытом поле. Крупная речная галька,

щедро забитая в стволы, буквально снесла ближние ряды конницы, выбила многих всадников, скачущих посередине, и повалила немало людей даже у самого ручья.

Боровская дружина, уже доскакавшая почти до самого обоза, после громового раската за спиной стала, словно бы по сигналу, натягивать поводья и разворачиваться, опуская рогатины. Примерно полусотня степняков, успевших проскочить смертельное поле до залпа, частью налетели на эти копыта, частью успели отвернуть и ускакать между сосен либо увязли в топкой земле возле ручья.

— За Ру-у-усть!!! — вскинув рогатину, громко закричал князь Ярослав. — Не посрамим имени батюшки моего, Владимира Храброго!!! За Ру-у-усть!!!

Три сотни идущих стремя к стремени бояр, одетых в прочное сверкающее железо, на тяжелых, породистых и хорошо откормленных скакунах, с низко опущенными копьями стали разгоняться для таранного удара — и уцелевшие после залпа степняки, хорошо знающие, во что превращает любого вставшего на пути врага даже обычный скачущий табун, предпочли со всех ног метнуться в стороны, открывая дорогу кованой лавине.

Главные татарские силы, почти окружившие русскую дружину и теперь прижимающие ее к лесу, — почуяли неладное, слегка отступили, прислушиваясь и вглядываясь в дым. Напор ослаб, оставшиеся без всадников скакуны, пользуясь возможностью, стали разбегаться в стороны, а бояре — пробиваться между ними вперед, пытаясь сблизиться с ворогом хотя бы на расстояние копейного укола.

И вот тут вдруг из густых белых клубов на поле брани стала вылетать на рысях ряд за рядом русская конница. Бояре в сверкающих мертвыми ухмылками железных масках склонялись к гривам коней, вытягивали вперед похожие на маленькие мечи наконечники рогатин и под-

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

гоняли, подгоняли оскалившихся и хрипящих, покрытых розовой пеной лошадей.

Несколько мгновений тяжелого мерного топота — и кованая рать врезалась в задние ряды окруживших главную дружину татар, протыкая беззащитные спины и опрокидывая легких лошадок, чтобы тут же пронзать, рубить и опрокидывать следующих врагов.

— Москва! Москва! — Окруженные бояре и сами дали шпоры скакунам, расталкивая перепуганных бесхозных лошадок, пробиваясь вперед и тоже рубя, коля, оглушая.

И разбойники не выдержали, попятились, стали разворачиваться и уноситься прочь, растворяясь между деревьями сухого и редколесного соснового бора.

Плевать на добычу! Мертвым меха не нужны. Коли жив останешься — завсегда новое барахло нагробить можно... Так что выноси, кобылка верная, спасай, вывози! Ныне главное — оторваться. А опосля к родному кочевью как-нибудь выберемся...

* * *

Когда щит наконец-то перестали топтать, Юрий Дмитриевич отпихнул его в сторону, вытянул ноги из-под какой-то горячей туши, столкнул обмякшее человеческое тело, липкое от парной крови, поднялся на ноги, задрал личину, вглядываясь в пыльную свалку впереди.

Там, судя по всему, изрядную часть татарской шайки дружина прижала к обозу и теперь успешно добивала. Разбойники и хотели бы сбежать — но по плотно забитой телегами дороге разве токмо поодиночке можно пробраться, да и то без спешки. Даже возничие, прыгая с облучков, предпочитали искать спасения в топком, непролазном осиннике, а не по дороге драпать. Меж повозок, рыдванов и кибиток быстро не побегаешь.

— Кажется, победили, — сделал спокойный вывод опытный воевода. Затем наклонился, всмотрелся под ноги. Взял за сапог степняка в шапке с торчащей стрелой, оттащил в сторону, передвинул на пару шагов другого. Присел, ласково погладив по морде скакуна: — Ты как, Чалый? Живой?

Лошадь жалобно заржала.

— Потерпи, милый, потерпи. Нас сегодня не кололи, не рубили. Может, и обойдется...

Звенигородский князь выпрямился во весь рост, и сверкнувшая на солнце позолота наконец привлекла внимание. Сразу с нескольких направлений к воеводе поскакали бояре, стали спешиваться:

— Ты жив, Юрий Дмитриевич?! Ты цел, княже? Не ранен?

— Помогите коня освободить, — снова наклонился воевода.

В несколько рук люди смогли сдвинуть одну мертвую тушу, приподнять другую — и княжеский скакун, опять громко заржав, неуклюже встал на ноги. Замер, дрожа и фыркая.

— Молодец, Чалый, — ткнулся лицом ему в морду Юрий Дмитриевич. — Все хорошо, все в порядке. Ноги на месте, голова на месте, шея на месте. Ран на тебе нет, кровь чужая.

— Тут еще кто-то стонет! — Дружинники перевернули тело в панцирной кольчуге.

Боровский холоп, издав странный хриплый звук, устался в небо мертвыми глазами. И судя по проломленной груди, подавать признаков жизни он никак не мог.

— Там где-то новик должен быть! — спохватился воевода. — Ищите, други, служивые за него дрались! Сын князя Ярослава! Проклятье, это ведь его первая стычка...